

Бай Ичэнь снова увидел Ань Но лишь два месяца спустя.

В тот день юноша как раз закончил смену в маленьком ресторанчике. С шести вечера до одиннадцати он без остановки намывал горы грязной посуды. Одежда насквозь пропиталась потом, жирными пятнами и соусами; Ичэню казалось, что от него самого разит помоями.

Он и представить не мог, что работа посудомойщиком окажется настолько изматывающей. Когда он только нашел это место, даже немного возгордился: мол, чего там сложного? Дома он каждый день прибирался на кухне и перемывал тарелки — движения отточены, скорость бешеная. К тому же лето выдалось жаркое, и он наивно полагал, что возиться в воде будет даже приятно — хоть немного охладится. Однако спустя пару дней реальность больно щелкнула его по носу.

Пять часов. Целых пять часов кряду стоять у раковины... Он чувствовал, как от усталости дрожат ноги, словно натянутые струны. Из-за того что приходилось постоянно стоять согнувшись, он чувствовал, как позвоночник будто перестал гнуться, превратившись в неразъемный стальной прут. Каждый раз после смены Бай Ичэню приходилось упираться руками в край мойки и медленно, по одному позвонку, «разворачиваться» вверх, терпя пронзительную ноющую боль и покалывание. Но и это было еще не всё. Его мечты о «прохладе у воды» оказались издевкой: мойка располагалась прямо на кухне, рядом с пятью-шестью ревущими горелками. Масляный дым ел глаза так, что хоть плачь. А если кто-то заказывал сычуаньское блюдо, кухня мгновенно превращалась в подобие газовой камеры. Огромный чан с бульоном, кипевший неподалеку, обдавал густым паром, от которого Ичэнь едва не терял сознание.

Вспоминая, как он хвастливо заявлял в «Пылающем искушении»: «Я посуду мою очень чисто», Бай Ичэнь готов был вlepить себе пощечину.

Он не раз порывался уволиться, но понимал: нужно держаться зубами. Найти работу лучше с паспортом, где черным по белому написано, что ему нет восемнадцати, было почти невозможно. Босс Чэнь из «Ресторана домашней кухни Цзюсян», по правде говоря, относился к нему неплохо. Когда Ичэнь, оказавшись в безвыходном положении, пришел к нему, тот после недолгих колебаний все же согласился взять его на работу. Платил честно — две тысячи юаней в месяц, как и было указано в объявлении, плюс двухразовое питание. Узнав о непростой ситуации парня, босс даже пошел навстречу и переставил смены с обеденных на вечерние. А когда выручка была хорошей, подкидывал чаевые — сто-двести юаней. Для Бай Ичэня это становилось настоящим спасением.

Ему отчаянно нужны были деньги. И хотя последние семнадцать лет он не шиковал, такой нужды, как сейчас, не знал никогда. Ичэнь понимал: жаловаться на судьбу бессмысленно. Если жизнь решила лишить его всего до совершеннолетия, значит, нужно принять этот удар и встретить его с мужеством, вгрызаясь в реальность мертвой хваткой. Он не чувствовал растерянности и не впадал в уныние. У него была четкая цель. Он знал, что молод и еще может переписать свою историю. С того самого дня три месяца назад, когда его прежняя жизнь рухнула и превратилась в пепел, он методично разгребал руины, возводя на их месте нечто новое — тяжелым трудом, но с надеждой на свет.

Дотерев последнюю тарелку и прибрав раковину, Бай Ичэнь сорвал с себя мокрый фартук, наспех вытер руки и, бросив боссу короткое «до свидания», пулей выскочил на улицу. Он мечтал лишь об одном — поскорее добраться домой и залезть под душ.

Конец августа. Стояла одуряющая жара. Несмотря на то что дело близилось к полуночи, влажный зной обволакивал, словно в сауне. Бай Ичэнь, низко пригнувшись к рулю, изо всех сил крутил педали своего старого велосипеда, в котором не звенел разве что звонок. Пот катился градом. «Раз уж одежда и так насквозь мокрая, — думал он, — пусть промокнет окончательно». Добравшись до своей каморки в подвале, он первым делом опрокинет на голову ведро холодной воды. Вот это будет блаженство! От одной мысли об этом собственная липкая кожа казалась еще невыносимее.

Желая сократить путь, Бай Ичэнь решил срезать через переулок. Место не то чтобы глухое, но там вовсе шел ремонт дороги: пыль столбом, ямы да колдобины. В этот душный сентябрьский вечер многие предпочитали делать крюк по ровному асфальту в тени деревьев, так что короткий путь оказался завален стройматериалами: кучами песка, мешками с цементом и каменными плитами.

Едва свернув в проулок, Ичэнь почувствовал неладное. Обычно здесь царила тишина, но сегодня издали доносились чьи-то выкрики. Бай Ичэнь не был наивным домашним мальчиком. Услышав шум, он мгновенно нажал на тормоза и собрался развернуть велосипед. Шутки в сторону: идет ли там ограбление или очередная разборка — ему было плевать. Своя жизнь и так висела на волоске, и лишние проблемы ему были не нужны.

Но стоило ему нажать на педаль, чтобы убраться подобру-поздорову, как до него долетело:

— Слышь, Ань, без руки ты сегодня отсюда не уйдешь!

— Ань, не думай, что Хань Цзыфэй тебя прикроет! Для брата Мэна он — пустое место. Ты, гад, посмел крутить интрижки под самым носом у брата Мэна? Сегодня мы тебя до смерти заведем!

В этом городе людей по фамилии Ань были тысячи, но почему-то в голове Ичэня тут же всплыла ленивая, дерзкая улыбка Ань Но и его вечно неопрятный вид. Юноша заколебался. Разум твердил: «Уходи, живо уходи! Кем бы ни был этот Ань, это не твое дело. Даже если это тот самый тип, он не стоит того, чтобы ты рисковал собой. Тем более что благородством он не отличается!»

Ичэнь снова надавил на педаль, и велосипед стрелой рванул прочь. Прокатившись метров десять, парень снова резко затормозил.

«Спасение жизни стоит больше, чем строительство семиуровневой пагоды... Если я вытащу его, он станет моим должником. Придется ему как-то меня отблагодарить. Если я снова приду

в "Пылающее искушение" наниматься, а он не замолвит за меня словечко — вот тогда я его сам пришибу. И не просто пришибу, а ославлю на весь мир как неблагодарную скотину, чтобы память о нем воняла вечно!»

Бай Ичэнь даже не заметил, насколько абсурдными были его мысли. Убедив себя таким образом, он развернулся и поехал обратно. Впереди, в углу, огороженном строительным забором, две или три тени окружили человека, осыпая его градом ударов и пинков. Еще один уже валялся на земле. Ичэнь припарковался поодаль и под шум ударов проскользнул за лист оцинкованного железа. Когда он обогнул забор, лежащих стало уже двое.

«Ого, а он умеет кусаться», — с интересом отметил Ичэнь. Он присел в густой тени у забора, стараясь сжаться в комок, и во все глаза уставился на поле боя.

Двое против одного. Ань Но привалился спиной к забору — так он и силы берег, и тыл прикрывал. Видно было, что драться ему не впервой. Правая штанина джинсов на бедре насквозь пропиталась кровью. Ичэнь сразу понял, что этот «Ань» далеко не ангел — в руке у него была телескопическая дубинка. Опасная штука: увесистый стальной стержень, который в сложенном виде легко прячется в кармане, но стоит резко взмахнуть — и тридцать сантиметров превращаются в метр сокрушительной мощи. С таким «аргументом» никакие ножи не страшны. Лицо Ань Но превратилось в кровавое месиво, по лбу текла густая струя, смешиваясь с пылью в грязно-бурую маску. И только его взгляд яростно полыхал в тусклом свете фонаря, точно призрачные огни. Двоих он уже вырубил, но силы были на исходе. Те двое, что остались на ногах, решили сменить тактику и просто выматывали его. К тому же рана на голове наверняка была от кирпича — с таким сотрясением долго не выдержишься.

Бай Ичэнь лихорадочно соображал. Позиция у него была отличная: Ань Но стоял прямо перед ним, а бандиты — спиной. Можно было схватить кирпич и попытаться оглушить одного, пока не заметили. Или взять на испуг: крикнуть, что вызвал полицию. Сработает ли это на двоих отморожков с палками?

— Эй, пацан! Если насмотрелся, набери 110, а то я, кажись, спекаюсь!

От этого ироничного выкрика у Ичэня сердце чуть из груди не выскочило. «Твою мать! Я просто прохожий, зашел поглазеть! Из-за твоего языка эти ублюдки сейчас меня пришьют как свидетеля! Что я тебе сделал в прошлой жизни?!» От страха и злости Ичэня пробрала дрожь, и он невольно вздрогнул.

Бандиты поначалу не поверили, решив, что Ань Но блефует, чтобы отвлечь их и напасть поодиночке. Они даже не обернулись. Но Ичэнь подвел сам себя: он прислонился к листу забора, и от его движения плохо закрепленное железо громко лязгнуло. Скрываться дальше было бессмысленно.

Один из нападавших от неожиданности все же дернул головой.

— Эй, да не оборачивайся ты... не смотри на меня... — выпалил Ичэнь и тут же захотел

отвесить себе пощечину. Глупее фразы и придумать было нельзя.

Бандит на секунду замер. Этого мгновения хватило: он повернулся слишком резко, и его корпус оказался полностью открыт для Ань Но. Тот, собрав остатки сил, уперся лопатками в забор, перенес вес на левую ногу и мощно, по-звериному, впечатал подошву в живот противника. Одновременно с этим он наотмашь полоснул дубинкой по плечу второго. В этот миг Ань Но чуть отклонился назад, его рука описала стремительную дугу, а мышцы под тонкой футболкой вздулись, готовые разорвать ткань.

Бай Ичэню на секунду показалось, что он видит парус, надутый штормовым ветром: линии тела были безупречно точными, полными скрытой угрозы и колоссальной силы.

Все закончилось в один миг. Двое бандитов повалились на землю, оглашая переулок дикими криками. Опуская ногу, Ань Но болезненно поморщился. Ичэнь заметил, как из раны на бедре толчками пошла кровь. Не успел он испугаться, как услышал хриплое:

— Подойди... подсоби господину.

Бай Ичэнь медленно поднялся, вышел из тени и встал перед Ань Но. Смерив его взглядом с ног до головы, он вдруг усмехнулся:

— Что такое? Цена, которую предложил брат Мэн, тебя не устроила?

<http://bllate.org/book/18167/1746580>